

ДОН НИГРО

СУЕТА

ВОКРУГ

ШЕКСПИРА

Дон Нигро
Суета вокруг Шекспира

«Автор»

Нигро Д.

Суэта вокруг Шекспира / Д. Нигро — «Автор»,

Пьеса-коллаж. Творчество Шекспира, наряду с русским психологическим театром, часть фундамента, на котором строятся пьесы Дона Нигро. Поэтому он постоянно так или иначе возвращается к самому Барду, его пьесам, людям, имеющим отношение к этим пьесам, и актерам, в этих пьесах играющим.

Содержание

1	6
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дон Нигро

Суета вокруг Шекспира¹

Пьеса-коллаж. Творчество Шекспира, наряду с русским психологическим театром, часть фундамента, на котором строятся пьесы Дона Нигро. Поэтому он постоянно так или иначе возвращается к самому Барду, его пьесам, людям, имеющим отношение к этим пьесам, и актерам, в этих пьесах играющим.

1

Комик шекспировских времен

«Комик шекспировских времен/А Fellow of Infinite Jest/2010». Два актера (2 мужские роли). Короткая пьеса. Два Уилла, Шекспир и Кемп, один из лучших комиков того времени. В 1599 г. Кемп покидает труппу «Слуги лорда-камергера» из-за принципиальных разногласий: драматург уверен, что на сцене должен произноситься только его текст, без всяких импровизаций. Комик придерживается противоположного мнения. Сейчас ситуация та же: режиссер зачастую считает себя вправе топтаться на костях текста. Как говорится, все течет, ничего не меняется.

«Да, пожалуйста, чтоб ваши шуты ничего от себя не прибавляли к тексту пьесы. Есть такие – скалят зубы, чтоб заставить дураков хохотать во время какой-нибудь важной сцены. Так это скверно, и обнаруживает самые жалкие стремления в этих глупцах».

«Гамлет», акт третий, сцена вторая, перевод П. Гнедича.

Действующие лица:

КЕМП – 50 лет

ШЕКСПИР – 35 лет

Декорация:

Практически пустая таверна в Лондоне, одним поздним вечером 1599 г. Деревянный стол, несколько стульев, окруженные темнотой.

Уилл Кемп/Will Kemp, самый известный комический актер своего времени, знаменит зажигательными танцами и непристойными шутками, отменно смешил людей, прекрасно пел и танцевал. Вместе с Шекспиром, Бербеджем и другими входил в состав «Слуг лорда-камергера», был совладельцем театра «Глобус». Скорее всего, Кемп был первым исполнителем ролей Догберри в «Много шума из ничего», Пьетро в «Ромео и Джульетте», Костарда в «Бесплодных усилиях любви» и Ланселота Гоббо в «Венецианском купце». Некоторые верят, что он был первым Фальстафом, другие думают, что это маловероятно. Точно известно следующее: в 1599 г. Шекспир, похоже, передумал и убил этого невероятно популярного толстого рыцаря вне сцены в «Генрихе Пятом», примерно в то время, когда Уилл Кемп ушел из «Слуг лорда-камергера» навсегда, после чего преодолел, танцуя без остановки, около 100 миль, разделявшие Лондон и Норидж. Умер Кемп, по всей вероятности, в 1603 г.

(Таверна, поздний вечер, ШЕКСПИР пишет за деревянным столом. Подходит КЕМП, в руке лист рукописи. Он выпил, но не пьян).

КЕМП. Что это за дерьмо?

ШЕКСПИР *(продолжает писать, голову не поднимает)*. О каком конкретном дерьме ты говоришь?

КЕМП. Эта речь, которую ты вставил в пьесу «Гамлет», над которой работаешь. Все это дерьмо по части необходимости придерживаться текста. Откуда взялось это дерьмо?

ШЕКСПИР. Это один из первых набросков.

КЕМП. И что ты хочешь этим сказать?

ШЕКСПИР. Думаю, все предельно ясно. Гамлет дает указания актерам произносить именно то, что написано, а не фантазировать по ходу спектакля.

КЕМП. Гамлет – ничтожество.

ШЕКСПИР. Я передам это Бёрбеджу.

КЕМП. Тут нет ничего личного, Уилл, но действительно, этот Гамлет – вонючая лепешка коровьего навоза. Могильщик нормальный, полагаю, но что мне еще играть? Где шутки? Где Йорик?

ШЕКСПИР. Йорик умер.

КЕМП. В этом и проблема. Это моя роль. Йорик – моя роль. Почему Йорик должен умереть? Йорик в моем исполнении мог бы немножко оживить пьесу. Я мог бы даже спасти постановку, хотя и сомневаюсь. Но я ничего не смогу сделать, когда Йорик – череп. Не смогу я сыграть череп. Если не стану чревовещателем. Да что, черт побери, с тобой такое, Уилл? Я говорю тебе откровенно, и мне очень не хочется это говорить, но я действительно думаю, что ты исписался.

ШЕКСПИР. Ты так думаешь?

КЕМП. Ты покатился вниз после «Тита Андроника». И где пьеса «Генрих Пятый», которую ты нам обещал?

ШЕКСПИР. Она почти готова.

КЕМП. Я снова хочу сыграть Фальстафа. От этой роли можно получить наслаждение. Не то, что это мрачная, меланхоличная датская история. Какого черта ты тратишь вообще свое время на этот мусор? Фальстаф – эта роль для меня.

ШЕКСПИР. В новой пьесе Фальстафа нет².

КЕМП. Что?

ШЕКСПИР. В «Генрихе Пятом» Фальстафа нет.

КЕМП. Ты шутишь. Не пытайся шутить со мной, Вилли. Получается у тебя так себе. Шутки – это по моей части.

ШЕКСПИР. Я не шучу. Фальстафа в «Генрихе Пятом» нет.

КЕМП. Фальстафа в «Генрихе Пятом» нет?

ШЕКСПИР. Именно так.

КЕМП. Тогда где он, черт побери? Прячется за деревом?

ШЕКСПИР. Он умер.

КЕМП. Фальстаф умер?

ШЕКСПИР. Да.

КЕМП. Фальстаф умер? Он умер?

ШЕКСПИР. Да.

КЕМП. Фальстаф мертв. И Йорик мертв.

ШЕКСПИР. Йорик совсем мертв.

КЕМП. Ты, на хрен, рехнулся?

ШЕКСПИР. Вполне возможно.

КЕМП. Если Фальстаф мертв и Йорик мертв, что остается мне? Кого я буду играть? Только танцевать джигу в конце? Это ты мне оставляешь? Я танцую джигу в конце спектакля, и все?

ШЕКСПИР. Больше никаких джиг.

КЕМП. Что?

ШЕКСПИР. Больше никаких джиг в конце.

КЕМП. Ты поставил джигу посередине? Что ж, мысль интересная, но...

ШЕКСПИР. Больше никаких джиг. Никаких реплик от себя зрительному залу. Никакой импровизации. С этого момента мы следуем тексту пьесы.

КЕМП. Тексту пьесы?

ШЕКСПИР. Да.

² Зато Фальстаф есть в пьесе Дона Нигро «Кабанья голова».

КЕМП. Мы следуем тексту пьесы?

ШЕКСПИР. Да.

КЕМП. Ты знаешь, что я делаю с текстом пьесы?

ШЕКСПИР. Скорее нет, чем да.

КЕМП. Я вытираю им мою вонючую жоппную дырку. Вот что я делаю с текстом.

ШЕКСПИР. Да, я заметил.

КЕМП. Так что скажешь?

ШЕКСПИР. Я скажу, что с этого момента никаких джиг, никакой отсебятины под влиянием момента, никаких остановок спектакля шуточками по части зрителей. Больше ничего этого не будет. С этого момента остается только написанный мною текст. Вот и все.

КЕМП. Все?

ШЕКСПИР. Все.

КЕМП. Ты сам так решил?

ШЕКСПИР. Мы решили. Все пайщики.

КЕМП. Я тоже пайщик.

ШЕКСПИР. Мы провели собрание.

КЕМП. Теперь вы проводите секретные собрания?

ШЕКСПИР. Тебя приглашали. Ты не пришел.

КЕМП. У меня была важная встреча с женой часовщика.

ШЕКСПИР. Я в этом не сомневаюсь.

КЕМП. Значит, вы сговорились за моей спиной и решили дать мне пинка под зад? Так?

ШЕКСПИР. Насчет пинка мы ничего не решали. Мы решили – больше никаких джиг, никаких импровизаций по ходу спектакля, никаких разговоров со зрителями, если этого нет в тексте пьесы. Вот что мы решили.

КЕМП. Бёрбедж тоже?

ШЕКСПИР. Голосование было анонимным.

КЕМП. Ты лжешь.

ШЕКСПИР. Можешь спросить у остальных.

КЕМП. Больше никаких джиг. Никаких шуток. Никаких разговоров со зрителями. И что тогда, черт побери, остается мне? Что тогда мне остается?

ШЕКСПИР. Тебе остается быть актером. Актером, который выучивает свой текст и проносит его, как он написан.

КЕМП. О, текст, текст, драгоценный текст. Ты так трепетно относишься к своим дурацким, чертовым словам. Драгоценный, драгоценный, драгоценный текст. Сладкоголосый наш Шекспир. Это не твоя глупая сраная суходрочная поэзия а-ля Венера и Адонис. Это театр. Я – артист. Мы – артисты. Комедианты. Мы живем моментом. Мы все выдумываем по ходу. Текст – всего лишь дорожная карта. Иногда мы сморкаемся в него и раскуриваем им трубку. Текст – это отправная точка. Ничего больше.

ШЕКСПИР. Отныне никаких отправных точек. Нравится тебе это или нет, но теперь все будет, как я только что сказал, с этого самого момента.

КЕМП. Это ты подложил мне такую свинью.

ШЕКСПИР. Решение было общим.

КЕМП. Ты. Ты их на это уговорил.

ШЕКСПИР. Они согласились.

КЕМП. Я не соглашался.

ШЕКСПИР. Ты остался бы в меньшинстве.

КЕМП. Ты можешь взять свои чертовы голоса и засунуть в толстый зад своей жены, неблагодарная, подлая маленькая, канавная крыса. Я тебя создал. Я тебя выбрал, когда ты был никем, жалким, провинциальным никем, совокупляющимся с овцами в Стратфорде. Я взял

тебя присматривать за лошадьми, убирать конский навоз, делать всю грязную работу. Ты был никто. Без меня ты бы так и прозябал в этом гребаном Стратфорде-на ослиной-моче, сгребал бы навоз со своей шляхой-женой и чокнутым старым отцом-банкротом.

ШЕКСПИР. Достаточно.

КЕМП. Достаточно. Больше, чем достаточно. Я сыт тобой по горло, и твоим драгоценным текстом, и твоими драгоценными словами. Твоими гребаными драгоценными словами. Прежде мы работали совсем не так. Прежде мы все выдумывали на ходу. И людям это нравилось. Это взбадривало. Подогревало азарт. Позволяло почувствовать себя живым. Могло произойти, что угодно. А текст пьесы – это чертова смирительная рубашка для толпы трусов, которые слишком глупы, чтобы верить в себя. На хрен текст. Не нужен мне гребаный чертов текст, и ты мне не нужен. Никто из вас мне не нужен.

ШЕКСПИР. Из-за тебя моя работа выглядит глупой. Ты отпускаешь тупые шуточки, которые старше Мафусаила. Ты делаешь непристойные жесты. Ты бросаешь фрукты в зрительный зал. Ты то мычишь, то блеешь. Ты на десять минут прерываешь спектакль, становясь на голову и имитируя пердеж. Все эти годы я это терпел, потому что ты вытащил меня из Стратфорда и дал мне шанс. Не говори мне, что я неблагодарный. Я навсегда останусь благодарным. Но я больше не желаю молча наблюдать, как работа моей жизни превращается в чертово ослиное представление. Эти дурацкие шутки. Насмешка над написанным мною. Эти неуместные, вульгарные вставки, которые прерывают историю и считались старьем в те времена, когда Альфред Великий, еще сосал грудь кормилицы. Мы просто не можем себе такого позволить. С этим покончено. Тебе придется приспособиться.

КЕМП (*вскипая яростью*). Или что? Приспособиться или что? Ты думаешь, я собираюсь прогнуться под этим чертовым шантажом? Не нужен ты мне. Не нужна мне вся ваша паршивая труппа. Никто мне не нужен. На хлеб я и без вас заработаю. Протанцую весь путь до гребаной Шотландии, и пердеть буду, когда мне вздумается, а зрители последуют за мной. На вас больше никто внимания не обратит. Театр – это не здание. Театр – не клочки бумаги с нацарапанными на них словечками. Театр – это я. Плоть, кровь и яйца. Ты – всего лишь куча гребаных букв. Драгоценная, драгоценная, драгоценная собачья чушь. Через четыре сотни лет помнят будут меня – не тебя. Уйдешь ты из памяти потомков. А останется эпоха Уилла Кемпа. Я – театр. Ты – никто. Всегда был никем. И будешь никем. Никто! никто!

(*КЕМП величественно удаляется, преисполненный благородного негодования. ШЕКСПИР сидит. Откладывает перо*).

ШЕКСПИР. Он тысячу раз тащил меня на спине.

(*ШЕКСПИР пьет. Пауза. КЕМП возвращается, чуть спокойнее*).

КЕМП. Предательство. Ты знаешь, это предательство.

ШЕКСПИР. Хуже. Это искусство. Между прочим, ты хорошо сказал. Мастерски выстроил свой монолог. Позволишь его использовать? (*Пауза*). Слушай. Предлагаю тебе сделку. Если ты останешься, я верну Фальстафа. Он не умрет. Мы вставим его в «Генриха Пятого». Но тебе придется произносить текст, как он написан. Понимаешь? Слово в слово, как и написано. Никаких джиг. Никаких сальных шуток. Все импровизации побоку. Никаких комментариев по поводу торчащих зубов деревенского дурачка, сидящего в первом ряду. Просто доверяй чертову тексту. Доверяй пьесе. Ты – прекрасный актер, великий актер, когда доверяешь пьесе. Но ты должен мне поклясться. Ты должен поклясться мне в этом прямо сейчас.

КЕМП. Ты так сильно меня ненавидишь, что готов убить самого замечательного персонажа в истории мира?

ШЕКСПИР. Нет у меня к тебе ненависти. Я безмерно тебя люблю. Но ты должен произносить текст, как он написан.

КЕМП. НИКОМУ НЕ ДОЗВОЛЕНО УКАЗЫВАТЬ, ЧТО МНЕ ГОВОРИТЬ НА СЦЕНЕ! НИКОМУ!

(Пауза).

ШЕКСПИР. Тогда Фальстаф мертв.

КЕМП. А как насчет «Генриха Четвертого»? Как насчет «Виндзорских проказниц»? Как вы собираетесь их показывать? Без меня?

ШЕКСПИР. Фальстафа сыграет Поуп³.

КЕМП. Поуп?

ШЕКСПИР. Он играл эту роль, когда ты болел.

КЕМП. Поуп способен только на то, чтобы поссать в горшок.

ШЕКСПИР. Он произнесет текст, который я написал.

КЕМП. Ты наглый, самодовольный, злобный говнюк.

ШЕКСПИР. Я думал, что я – никто.

КЕМП. Ты хуже, чем никто. Ты чертов драматург. *(Пауза)*. Ладно. Пусть будет так. Фальстаф мертв. И эта труппа мертва. Я станцую на вашей могиле. Отпляшу джигу на дымящихся руинах этого театра. Ты увидишь. Люди хотят меня. Не тебя. Танцы. Шутки. Джигу. Умное подтрунивание над ними. Как заведено издавна. Вот чего хотят люди.

ШЕКСПИР. И тем не менее.

(Пауза).

КЕМП. Ты был мне другом.

ШЕКСПИР. Я – твой друг.

КЕМП. Ты был мне сыном.

ШЕКСПИР. Я – твой сын.

КЕМП. Ты – дурак.

(КЕМП поворачивается и уходит. Пауза).

ШЕКСПИР. Это да.

(На лице печаль. Пауза. Потом ШЕКСПИР берет перо, вновь начинает писать. Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

³ Томас Поуп/Thomas Pope (ум. 1603) – один из актеров труппы «Слуги лорда-камергера».

2

В летнюю ночь

«**В летнюю ночь**». Пять актеров (4 женские и 1 мужская роль). Так мало узнаем мы из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» об эльфах. Пак, конечно, проказник, но о том, что волнует самих эльфов, а особенно эльфиек (странно это, мужской пол – эльфы, женский – феи, все-таки правильное эльфийки). Эта короткая пьеса исправляет вышеуказанное упущение. Не хотят эльфы умирать. А сказочный народ может жить, лишь оставаясь в памяти людей. Забвение – вот что для богов смерть.

«Дважды его позвали, и он не ответил, откликнулся только на третий раз, и позвавший, возвысив голос, выкрикнул: «Когда будешь проплывать мимо Палодеса, скажи им, что великий Пан мертв». Услышав это... все удивились, поспорили, выполнить ли просьбу или не вмешиваться и оставить все, как есть... Фармус решил, если подует ветер, он проплывет мимо и ничего не скажет. А если ветра не было, то при полном штиле он поступит, как его и просили. Когда они поравнялись с островом Палодес, при полном безветрии и штиле, Фармус, сидя на корме, повернулся в сторону острова и повторил слова, как он их и услышал: «Великий Пан мертв». Плутарх «Об упадке оракулов».

«Никакого эпилога, прошу вас. Ибо не нуждается в оправданиях ваша пьеса. Тут оправдываться не в чем. Когда все актеры мертвы, то некого и обвинять».

Шекспир «Сон в летнюю ночь».

Действующие лица:

ГОРОШИНА – эльфийка

ПАУТИНКА – эльфийка

МОТЫЛЕК – эльфийка

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО – эльфийка

ПАК – эльф

Декорация:

Лес около Афин Пышная растительность. Тени.

(Лес около Афин. Пышная растительность. Папоротники. Тени. Пак и четыре эльфийки отдыхают среди зелени).

ГОРОШИНА (*нежная, красивая, изящная, как и все эльфийки*). Пак просто озверел. Ведет себя, как маньяк. Разоряет беличьи гнезда в поисках орехов. Крадет яйца у гусынь. Никогда не видела его в таком состоянии. Все эльфийки изо всех сил пытаются его избежать. Он опасен. Он кусается. Я не шучу. Он укусил меня за левую грудь, и я потеряла чуть ли не квартиру волшебной крови. Не понимаю, что с ним такое. Но, может, я придаю этому слишком большое значение. У нас всех свои маленькие слабости. Паутинка рассеянная и задумчивая. Словно в голове у нее мысли катаются взад-вперед, как орехи в миске.

ПАУТИНКА. Откуда мы взялись? Что все это значит? Почему стрекозы зеленые? Луна сегодня грустная?

ГОРОШИНА. Да, пытается во всем разобраться. Мотылек всегда порхает, ей сосредоточиться очень сложно, и вероятно, не потому, что ей свойственны такие глубокие мысли.

МОТЫЛЕК. Ты думаешь, у меня красивые ступни? Все говорят, что у меня красивые ступни, но, если по правде, насколько красивыми могут быть ступни? Они всего ли ступни.

ГОРОШИНА. Может, она просто не умна? Но она умнее, чем кажется со стороны. Должна быть умнее.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Иногда тебе наверняка хочется их помыть.

МОТЫЛЕК. Я мою свои стопы. Опускаю их в родниковые пруды.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Мы пьем из этих прудов.

МОТЫЛЕК. Я пью только нектар.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. У тебя грязные ногти.

ПАУТИНКА. Почему у нас ногти? Почему у нас пальцы? И почему Шекспир продолжает расширять мой текст, присылая новые реплики? И кто такой Шекспир? И что это значит – произносить реплики? Мы в какой-то пьесе? Это нормально?

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Господи! В этом она вся. Почему у нас это? Почему у нас то? Почему плесень растет в темноте? Разбудите меня, когда она закончит с вопросами.

ГОРОШИНА. Горчичному Семечку палец в рот не клади. Всегда критикует, но иногда выдвигает интересные версии. Говорит, что Пак пускает нам кровь, потому что его это сексуально возбуждает. Не уверена я, что это правда.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Сексуально его возбуждает все. И он всегда похваляется тем, что может сделать, и что знает, и что видел.

ПАК. Я видел смерть Великого бога Пана.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Ты его убил?

ГОРОШИНА. Большие стрекозы жужжат, влетают головой в доисторические деревья и падают, исчезая на клумбах с примулами. Везде светящиеся черви и зеленое жужжание.

ПАК. Нет. Я просто наблюдал.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Он предпочитает наблюдать. Извращенец.

ПАУТИНКА. Так от чего он умер?

МОТЫЛЕК. Ох! Комар укусил меня в зад. Вот за кем нужно наблюдать.

ПАК. Я наблюдал. Аппетитный у тебя зад. Хочешь, чтобы я высосал яд.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Боги не умирают.

ПАК. Боги умирают, если им не поклоняются, их не боятся или не любят. Но самое ужасное, что может быть – это призрак умершего бога. Великий бог Пан мертв, но он по-прежнему бродит по этому лесу. В сумерках я чувствую, что он где-то рядом. Он всегда вызывает зуд в моей голове. Пан был одним из самых безумных богов.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Ты – еще один.

ПАК. Ты думаешь – я бог?

ГОРОШИНА. Слушая тебя, Пак так склоняет голову, что создается ощущение, будто он белый и пушистый, тогда как на самом деле он наполовину лис, наполовину змей.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Может, маленький бог. Совсем крошечный. С крошечными органами. Отброшенный и забытый за ненужностью фрагмент божественности, который утащила мышь.

ПАК (*проводит рукой по ноге ГОРОШИНЫ*). Мне нравятся твои ноги. У тебя красивые ноги.

ГОРОШИНА (*отодвигает ногу*). Пожалуйста, не трогай мои ноги.

ПАК. Тебе нравится, когда я глажу твою ногу.

ГОРОШИНА. Нет, не нравится.

ПАК. Ты трепетала от наслаждения. Я это почувствовал.

ГОРОШИНА. Я не трепетала от наслаждения. Содрогалась от отвращения.

ПАК. Наслаждение и отвращение очень близки.

ГОРОШИНА. Разумеется, нет.

ПАУТИНКА. Он прав. Фрейд говорит...

МОТЫЛЕК. Кто?

ПАУТИНКА. Фрейд. «Толкование снов». Гермия оставила книгу в лесу.

ГОРОШИНА. Не знаю я никакого Фрейда.

ПАУТИНКА. Он еще не родился. Но в лесу сосуществуют все времена и места, включая и воображаемые.

ПАУТИНКА. И каких грибов ты наелась на этот раз?

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Пак из тех богов, которые едят мышей и ящериц. Злой маленький бог. Маленький сдувшийся божок. С маленькой болтающейся штучкой. Заблудшая маленькая штучка.

ПАК. Тогда мы все злые. И все заблудшие.

МОТЫЛЕК. Я не злая. Может, заблудшая, но не злая.

ПАК. Даже глупые могут быть злыми.

МОТЫЛЕК. Мы не злые, правда? Потому что нахожу очень тревожной даже самую мысль об этом. Как можно подумать, что мы злые?

ГОРОШИНА. Мотылек смотрит на Паутинку в надежде, что она ей ответит, но Паутинка не сводит глаз с большой коричневой сороконожки, которая проползает мимо и скрывается среди папоротников.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Не позволяй ему задеть тебя за живое. Он специально говорит так, чтобы нам стало не по себе.

ГОРОШИНА. Иногда я думаю, что мы, возможно, злые. Пак очень злой, а если он может быть злым, почему мы – нет?

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Иногда, Горошина, слыша от тебя такие глупости, я готова подумать, и, если бы хорошо тебя не знала, подумала бы, что ты – человек. Это люди глупые и злые.

МОТЫЛЕК. Это злость Пака укусила Горошину за сосок. Я бы никогда не укусила ее за сосок. Я бы никогда никого не укусила за сосок. Сосала бы с удовольствием, но не укусила. Из этого следует, как ночь – за днем, что я не злая. А еще у меня красивые локти. Видите?

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Видели мы твои локти.

МОТЫЛЕК. Но не оба сразу. Посмотрите на эти ямочки. У того, кто злой, ямочек на локтях быть не может.

ГОРОШИНА. Но среди сочной зелени полуденной тени и в лучах пробивающихся сквозь листву солнца, самые разные существа жужжат и пожирают друг дружку. Всем детям-эльфам говорят, если вы будете плохо себя вести, придет богомол и сожрет вас. Волшебный лес целиком зиждется на пожирании. Подменыши, бедные, потерянные, не рыба и не дичь, сидят и смотрят друг на дружку из маленьких нор. А в темной влажной чаще, среди теней, самые разные существа целуются, спариваются, убивают и поедают друг дружку. Ухают совы, и корни древних деревьев цепляются за сырую землю. И мы, четыре миниатюрные эльфийки, держимся вместе, расчесываем друг дружке волосы, вылавливаем вшей, давим их ногтями, сосем время от времени груди и пальцы той, что рядом, чтобы успокоиться и отогнать тревогу. Розовые бутоны едят черви, и много ужаса в этом лесу. И мы каким-то образом часть этого ужаса. Кто-то боится нас, кого-то боимся мы.

ПАК. Это не шутка, знаете ли. Так было не всегда. Когда-то мы были кем-то еще.

МОТЫЛЕК. Я никогда не была кем-то еще.

ГОРОШИНА. Мы всегда были такими, правда?

ПАК. Нет. Давным-давно мы были богами.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Никогда мы не были богами.

ПАК. Были. Ты не помнишь. Но где-то глубоко в голове мы все можем слышать призрака умершего бога Пана, шепчущего, что это правда.

МОТЫЛЕК. Я никого не слышу, кроме древесных лягушек.

ГОРОШИНА. Если мы были богами, тогда что с нами случилось?

ПАК. Нам как-то понизили статус, словно захиревшему дворянству. Мир невероятно древний, знаете ли. Когда-то были другие боги, а мы пришли и вытолкали их обратно в темноту. Потом появились новые боги и принялись выталкивать нас, вот мы и ретировались в этот лес. Оберон – пародия на то, кем мы были. Раздувшаяся насмешка над богом, псевдо-король.

ПАУТИНКА. Я думаю, Пак прав.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Пак всегда неправ. Он противный, как козел.

ПАУТИНКА. Но иногда я думаю, находясь на грани сна, засыпая или просыпаясь, что я почти вспоминаю.

МОТЫЛЕК. Вспоминаешь что?

ПАУТИНКА. Что-то такое, что совсем рядом, но в руки не дается.

ПАК. Так возьми в руку это.

ГОРОШИНА. Как вульгарно. Стоит ли богу говорить такое?

ПАК. Пан говорил. Боги всегда были вульгарными. Они вырастают в темных, сырых местах, как плесень.

ГОРОШИНА. Но Пан мертв.

ПАК. Он мертв, но все еще бродит здесь. Когда я стою в лесу один, замирев, как извятие, и смотрю на деревья на вершине холма, то вижу, как их кроны шевелятся, хотя нет ни малейшего ветерка, не чувствую я его, да и кроны других деревьев неподвижны, и я знаю, это он.

МОТЫЛЕК. Такое случилось со мной однажды. Я так испугалась, что описалась.

ПАК. Это Пан. Дыхание Пана, идущего меж деревьев. Поэтому паникой это и называется. Паника – твои ощущения, когда ты в лесу один, но внезапно осознаешь присутствие древнего бога. Он приходит, чтобы напомнить, что тебе суждено умереть.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО (*хочет верить, что это всего лишь слова, но полной уверенности нет*). Да перестань, Шекспир.

ПАК. Я тебе говорю. Ты знаешь, это правда. И всегда знала, глубоко внутри.

ГОРЧИЧНОЕ СЕМЕЧКО. Вообще-то по мне лучше быть падшим богом, чем человеком. (*Имитирует голоса людей, насмешничает*). Я люблю Гермину. Я ненавижу Гермину. Я люблю Елену. Я ненавижу Елену. Я люблю Деметрия. Я люблю Лисандра. Люби меня, я высокий. Люби меня, я маленькая. Я сильный. Я – амазонка. У меня пенис. Что за дураки.

ПАУТИНКА. Может, люди – тоже падшие боги.

ПАК. Нет. Люди – выродившиеся обезьяны.

МОТЫЛЕК. Минуточку. Люди умирают.

ПАК. Не так, чтобы сразу.

МОТЫЛЕК. И Пан был богом.

ПАК. Да.

МОТЫЛЕК. И Пан умер.

ПАК. Да.

МОТЫЛЕК. И мы раньше были богами.

ПАК. Да.

МОТЫЛЕК. Но теперь движемся под уклон?

ПАК. Именно так.

МОТ. Значит, мы умрем? (*Пауза*). Пак, мы умрем?

ПАК. Все умирают.

МОТЫЛЕК. Значит, мы умрет. Я умру. Горошина, и Паутинка, и Горчичное Зернышко, и я, и все, все мы умрем?

ПАК. Вероятнее всего.

МОТЫЛЕК. Но как такое может быть? Как такое может быть?

ПАК. Боги умирают, когда их больше никто не помнит.

МОТЫЛЕК. Но я не хочу умирать. Я слишком молода, чтобы умереть.

ГОРОШИНА. И сколько тебе лет?

МОТЫЛЕК. Понятия не имею, но знаю, что слишком молода, чтобы умереть. Да и вообще, что это такое? На что похоже?

ПАУТИНКА. Ни на что. Ты просто уходишь. Когда последний, кто верил в тебя или хотя бы помнил тебя, уйдет, ты уйдешь тоже. Исчезнешь. И ничего от тебя не останется. Ничего.

МОТЫЛЕК. Нет. Я в это не верю.

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО. Ты каждый день видишь, как кто-то или что-то умирает в лесу.

МОТЫЛЕК. Я знаю, но это не мы. Мы прекрасные, миниатюрные, магические. Умирают только уроды.

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО. Мы живем в придуманном мире.

МОТЫЛЕК. Я знаю, и мне здесь нравится. Я не хочу уходить.

ПАК. Все быстрое и яркое исчезает. Мы уже по большей части плод воображения.

ГОРОШИНА. Тогда мы должны что-то с этим сделать.

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО. Сделать что? Что мы можем?

ГОРОШИНА. Сделать что-то такое, чтобы нас не забыли. Чтобы нас помнили.

МОТЫЛЕК. Например?

ГОРОШИНА. Не знаю. Разозлить их. Плюнуть в молоко, чтобы оно скисло. Превращать в идиотов. Заставлять любить не тех. Пусть почаще думают о нас и всегда помнят, кто им портит жизнь. Тогда мы не умрем.

ПАК. А что я, по-твоему, делаю все это время? Ты думаешь, мне это нравится? Оживлять вареных раков и выливать эль на колени старушек? Изображать табуретку и убегать, чтобы чья-то тетушка плюхнулась на пол при всем честном народе? Это тяжелая работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.